

ВАМ НУЖНА КОЛЬТА. КОЛЬТЕ НУЖНА ВАША ПОМОЩЬ

О проекте Помогите сайту Рассылка

COLTA

Кино Искусство Современная музыка Академическая музыка Литература Театр Медиа Общество Наука Colta Specials

27 НОЯБРЯ 2020

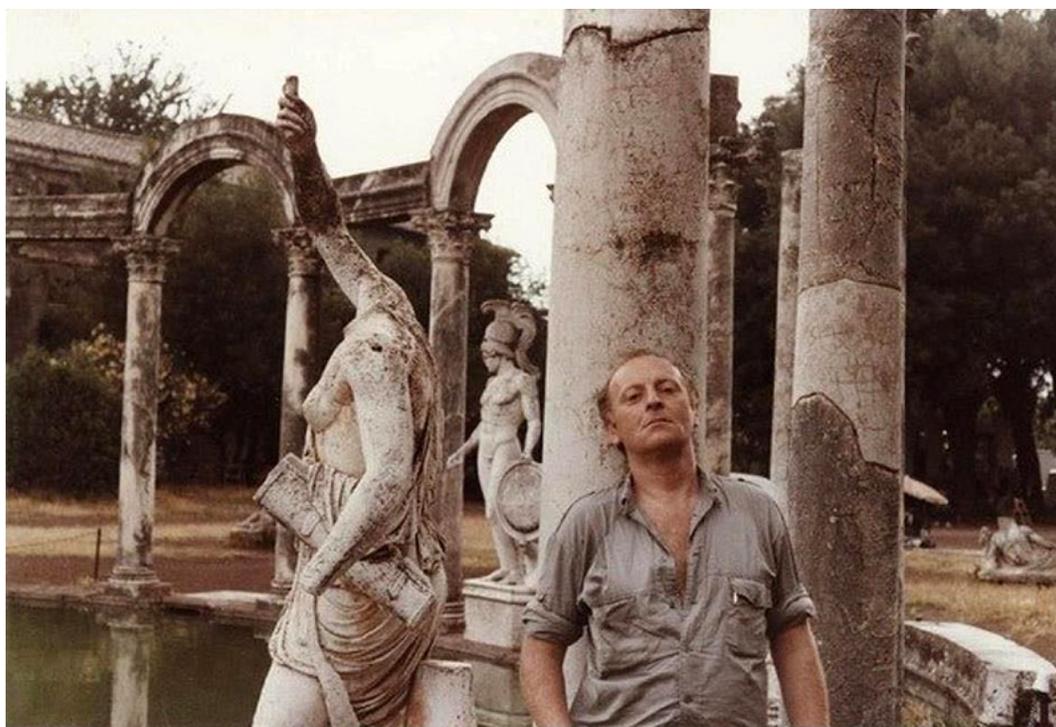
ЛИТЕРАТУРА

17477

«Каждая девушка, с которой он познакомился в Италии, сразу теряла голову...»

К ВЫХОДУ ТРЕХТОМНИКА «ИОСИФ БРОДСКИЙ В РИМЕ»

текст: Юрий Левинг

Иосиф Бродский на вилле Адриана в Тиволи. 1983

Фотография Аннелизы Аллевы

© Из частного архива

В петербургском издательстве Perlov Design Center вышел трехтомник *«Иосиф Бродский в Риме»*, подготовленный и составленный Юрием Левингом. Издание состоит из отдельного «Путеводителя» по Риму Бродского, тома «Поэзия, проза, графика», включающего рисунки и тексты — в том числе неопубликованные — Бродского, посвященные Риму, и подробных «Трудов и дней» поэта в Риме — хроники, воспоминаний и интервью римских друзей и собеседников Бродского со всего света.

Для публикации на COLTA.RU мы выбрали один из разговоров Юрия Левинга из третьего тома издания — беседу с Сильвией Ронкей, итальянской писательницей, критиком и телеведущей, профессором классической филологии и византологии Римского университета. Ронкей

в 1981 году окончила Университет Пизы по специальности «византийская филология», впоследствии изучала греческие церковные манускрипты и проводила исследования под руководством выдающегося историка-византиниста А.П. Каждана в вашигтонском Центре изучения Византии.

© PERLOV DESIGN CENTER

— Давайте начнем с начала. Расскажите, как произошло ваше знакомство с Иосифом Бродским.

— Мне было 20 лет, и я заканчивала университет, когда стихи Бродского только появились в переводе Бутгафавы в серии издательства «Мондадори» *Lo Specchio*. Я прочитала их и пришла в восхищение. Было лето — не могу вспомнить, какого года, но я училась на третьем курсе. Скорее всего, 1979-го. Вскоре после этого он приехал в Рим по приглашению Американской академии. Вообще он приезжал и до этого — например, для участия в поэтических чтениях. Тогда в Италии была мода на поэзию, и организатором очередного фестиваля выступил Франко Корделли [1]. Он и пригласил Бродского, но тогда мы не встретились. Это произошло несколько месяцев спустя, когда он приехал снова уже в качестве стипендиата по приглашению Американской академии. Издательство «Мондадори» устроило вечеринку у Марии Стеллы Сернас — светской дамы, хотя далеко не интеллектуалки [2], где мы и познакомились. У меня была с собой книга его стихов, изданных на итальянском. А он был бабником, и я думаю, что каждая девушка, с которой он знакомился в Италии, сразу теряла голову. После первой встречи у нас было несколько свиданий, и я очень интересовалась его стихами о России. Надо заметить, что сразу после моего рождения мой отец был назначен корреспондентом и уехал жить в Москву вместе с матерью, которая получила должность атташе по культуре при посольстве Италии. Тогда шел 1958 год, хрущевский период, очень интересное время.

— В какой газете он работал?

— *La Stampa*. Он пробыл там три года.

— В Москве?

ВАМ
НУЖНА
КОЛЬТА

КОЛЬТЕ
НУЖНА
ВАША
ПОМОЩЬ

Подписывайтесь
на наши обновления!

Рассылка COLTA.RU

Канал COLTA.RU в Яндекс.Дзен

ТЕСТ

За прекрасных дам!

Ко Дню влюбленных — тест-путешествие в мир последнего романтика российского кино Анатолия Эйрамджана. Отличите ли вы Кокшенова от Державина? А «Бабника» от «Импотента»?

НОВОСТИ

— Да. Но не только, конечно. Он много путешествовал — по-моему, трижды ездил в Сибирь, присутствовал на похоронах Пастернака. Он был одним из немногих итальянских журналистов, кто не просто понимал события того времени, но и был их свидетелем. Он набрался опыта и был достаточно известен, написал ряд книг [3]. Мне Россия всегда была интересна в связи с моим одиноким детством: я читала русские народные сказки, которые мне присылали родители, слушала русские колыбельные. Я с нежностью отношусь к русскому языку и вообще атмосфере, потому что это мои родители, мое детство.

— **Вы остались в Италии, когда они уехали?**

— Да, отец не хотел, чтобы я ехала с ними. Он боялся, что если его будет сопровождать ребенок, то он, как иностранный корреспондент, станет уязвимой мишенью для шантажа или мести... Но я все же отправилась в Россию, когда стала старше. Меня разбирало любопытство; я побывала в Ленинграде, Москве, но увидела очень мало, даже будучи представителем интеллектуальной профессии, а не просто туристкой. Вы сами знаете, как это было трудно и опасно — наладить связи с тамошней профессурой. Поэтому Бродский был незаменимым источником информации. Хотя наше первое знакомство было из рода «мачо подклеил студенточку», я думаю, что в итоге мы подружились на почве любознательности.

— **А как же разница в возрасте?**

— Мне было двадцать, ему — сорок. Не такая уж и большая. У него было в Риме много друзей, и я думаю, что видела, в отличие от остальных, общую картину, а потому я была еще и его советчицей в любовных делах. Я была очень молода, но я знала, всегда знала, что между нами нет любви и что он — женский угодник. Такой уж он был и вдобавок, мне кажется, все еще сильно любил свою русскую жену. Он никому не принадлежал. У нас были дружеские и, возможно, отчасти мужские отношения, основанные на доверии. Он рассказывал мне о русской литературе, о России, о своей жизни и отношении к женщинам, к любви. Мы были друзьями, и взамен я оказала ему две ответные услуги. Во-первых, конечно же, я показала ему Рим. Несмотря на мой юный возраст, я была образованной и разбиралась в этих вещах. Он также интересовался литературой — не только итальянской, но и современной греческой. Например, в те дни он сильно нуждался в деньгах, и [Джанни] Буттафава, его итальянский переводчик, нашел ему работу: регулярно писать статьи для газеты *L'Espresso*...

12:53	В серии «Центрифуга» выходят две новые книги
11:35	Семь выставок откроются в Третьяковке
ВЧЕРА	
16:33	В галерее «Беляево» пройдет выставка «Русское стекло»
14:52	Спектакль по мотивам запрещенной постановки Юрия Любимова покажут в Центре Вознесенского
13:19	Умерла Елена Мурина
ВСЕ НОВОСТИ	

ТАКЖЕ ПО ТЕМЕ

К 80-летию Иосифа Бродского: интервью с Михаилом Мейлахом

В Петербурге уничтожили граффити с Иосифом Бродским

«Бродский с прелестями, слабостями и гениальностью»

ВСЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ТЕМЕ

Иосиф Бродский на фоне плаката, посвященного выставке современного искусства, которая проходила в Риме осенью 1980 года. 1983

Фотография Сильвии Ронкей

© Из частного архива

— Кто именно нашел ему эту работу?

— Буттафава, его переводчик, который и сам работал в этом издании. Иосиф одно время еженедельно писал статьи, и каждый раз ему приходилось искать новую тему. То он писал о Вергилии, то о современном греческом поэте Кавафисе, а я помогала ему советами и искала материалы. Помню, однажды он захотел прочитать Марино — малоизвестного итальянского поэта эпохи барокко XVII века [4]. Мы проходим его в школе и знаем, кто это такой, но его работы настолько трудны для восприятия, что достать его книгу было непросто. Поэтому я отправилась в Ватиканскую библиотеку, где потратила крупную сумму на копирование полного собрания сочинений Марино на микроплёнку. А Иосиф очень расстроился и сказал: «Слушай, я хочу прочитать всего пару его стихов. Выбери сама». После этого я старалась заранее отбирать нужное. Я получила классическое образование, изучала итальянское искусство и литературу, латинскую классику и к тому времени уже стала византинистом. Отсюда, в частности, его познания о Византии, он часами сидел и читал на моем диване. Я переводила, как мне кажется, если не самую важную, то одну из наиболее значимых и известных исторических работ — хронику, написанную Михаилом Пселлом, философом и политиком XI века. Я первая переводила ее на итальянский язык, это был немалый труд, тысячи страниц...

— С греческого?

— С византийского греческого, они не сильно различаются. К сожалению, словарей так и нет, и для правильного перевода приходилось заранее представлять, о чем идет речь, но этого опять же не понять без перевода, поэтому я испытывала трудности, пытаясь найти правильный подход. Иосифу это было

интересно; существовал слабый перевод на английский, который я использовала для проверки, и он прочел его целиком.

— По-английски?

— Да. От корки до корки, он много читал о Византии. Он знал еще одного византолога, Майкла Мааса, и нашими стараниями основательно погрузился в эту тему. Иногда мы втроем ходили куда-нибудь или ужинали вместе. Наша дружба продолжалась несколько лет. Кажется, Нобелевскую премию он получил в середине восьмидесятых...

— В 1987-м.

— Да. Значит, мы общались лет семь-восемь. Я дважды прилетала к нему в Америку. Один раз — в Нью-Йорк, он был очень счастлив тогда из-за романа с китайкой. Он сказал: «Ты не представляешь, насколько это отличается, как все меняется. Если переходишь на азиаток, назад пути нет».

Сильвия Ронкей, начало 1980-х

© Из частного архива

— Он цитировал на итальянском по памяти длинные отрывки из Данте, что, конечно, говорит больше о его памяти, а не о знании языка.

— Да, у него была очень хорошая память: он знал наизусть множество стихов на неизвестных ему языках. Правда, его английский был великолепен. Он часто сердился на меня за то, что я не понимала его русских стихов. До нашего знакомства я читала только те его работы, которые были переведены на итальянский, поэтому первым делом он дал мне сборники на английском: сначала всего два, а потом и другие. При этом он мне читал по-русски все свои стихи, даже изначально написанные на английском, потому что ему не нравилось, как они звучат на иностранных языках. Он повторял: «Я русский поэт. Мои стихи — музыка. Их нужно слушать, а не читать, это давняя традиция». Очень часто он читал свои стихи по памяти, хотя «читал» — не совсем точное слово. Возможно, в русской традиции принято читать стихи подобно молитве или обрядовой песне или это была его индивидуальная манера

декламации, которая, по-моему, скорее походила на заклинание, а не на музыку.

— **Даже для русской литературы, несмотря на ее разнообразие, его стиль необычен: сила, с которой он читал свои стихи, несравнима ни с чем.**

— Да, я это понимала. Однако моего знания русского языка было, конечно же, недостаточно: я помнила лишь несколько слов из сказок Афанасьева, хотя потом я запоздало выучила русский. В течение последних двадцати лет моим русским друзьям случалось мне читать его стихи, которые они воспринимают как музыку, литанию — не знаю, как точнее описать; в его стихах есть нечто от литургии. Странно, что, несмотря на вольнодумство — он был поклонником Шодерло де Лакло, — у него были свои священные ценности: собственные стихи и искусство поэзии, а также поэтическая декламация.

Кстати, о религии — мы обошли все церкви Рима, хотя он относился к ним с иронией. Я никогда не была набожна, но в Риме нельзя изолироваться от религиозной традиции, которая так же сильна, как и историческая. Вот почему мне доводилось заставлять его пойти в церковь, из этих походов он развил теорию, что Рим — город сосцов; он находил архитектуру римских церквей очень сексуальной. Кажется, он где-то об этом упоминал.

— **Он действительно проводил сравнение куполов с сосцами волчицы, вскормившей Ромула и Рема.**

— Да, все началось с волчицы. Были еще уличные животные — особенно коты, которых он часто видел, гуляя по Риму, — так возник образ опасного зверя-мутанта, у которого было что-то от волчицы, а что-то — от кота. Иногда в музеях, глядя на барочные картины, изображавшие аллегорических животных, он восклицал: «Да! Именно так я вижу Рим».

— **То есть он отождествлял Рим со зверем?**

— Да, с мутантом, с аллегорическим зверем, — он был без ума от барокко. Как-то, разочаровавшись в Марино, которого не смог дочитать, он захотел увидеть все работы Бернини, поскольку ему очень нравилась барочная архитектура XVII века. Я была недовольна этим — считала, что ему следовало уделять больше внимания римскому Ренессансу.

В общении с другими он был несколько несдержан: его поведение было иногда неприличным, вызывающим и даже грубым. Мне было непросто его вразумлять.

— **Вы можете привести пример подобных инцидентов?**

— Да. В Риме жила одна очень интересная особа, давно эмигрировавшая из России еврейка Лия Вайнштейн. Родом из богатой семьи, она была филологом и принадлежала к интеллектуальной элите. Родилась она, скорее всего, в двадцатых годах, так как была ровесницей моих родителей [5]. Она уехала после войны и обосновалась в Риме на небольшой красивой

вилле в стиле ар-нуво в Диалиа Монти, недалеко от улицы виа Витторио-Венето. В этом доме я познакомилась со всеми диссидентами: с женой Сахарова [Еленой Боннэр], Синявским и многими другими, чьи имена тогда были на слуху. Их было непросто встретить — они вели себя очень настороженно, но они все — как и любой другой уехавший на Запад русский — приходили обязательно на виллу Вайнштейн, где происходили встречи с настоящими диссидентами. Она знакомила новоприбывших представителей интеллигенции с итальянцами — но не со всеми подряд, а только с теми, кто понимал ситуацию и был готов помочь России и российской культуре.

И Лия Вайнштейн пригласила его на ужин — кажется, во время одного из его визитов в Рим после пребывания в Академии. Она устраивала великолепные вечера, вкладывая много стараний в подготовку, а еда, приготовленная ее поварами, была изумительна. Она относилась ко всем с большим участием, была вежлива, тактична, добра. Ужин был назначен на полдевятого, Иосиф пришел в полседьмого, абсолютно пьяный, и заявил, что голоден. Ему подали чай с печеньем...

Сильвия Ронкей
© Leonardo Cendamo

— **Вы были с ним?**

— Нет. Меня пригласили отдельно, вместе с моим «русским» отцом. Конечно, я не хотела, чтобы он узнал о наших отношениях. Я приехала на час раньше назначенного времени потому, что хотела помочь с подготовкой, и застала хозяйку дома в ужасе — Иосиф собрался уходить, сказав: «Я сыт, знакомиться ни с кем не хочу. Печенья было вполне достаточно, всего доброго». Конечно, из этого могла бы получиться забавная история, если бы его поведение не было столь вызывающим.

Кстати, у меня сохранились дневники, которые я постоянно веду лет с десяти, но ни разу не перечитывала.

— **Вы за этим их и ведете...**

— ...чтобы разложить все по полочкам и забыть, да.

— **В дневниках Иосифа того периода ваше имя появляется довольно часто: «Сильвия, Сильвия, Сильвия...»**

— Вы говорили, что это не совсем дневники...

— Да, больше похоже на напоминания — вроде тех, что сейчас пишут в смартфонах.

— Именно.

— Время от времени он делал заметки о том, что хотел запомнить, и, как мы потом увидим, некоторые из них были включены в его эссе. Другие — нет, например, ремарки о коллегах из Американской академии или записи о своем настроении. Встречаются и забавные вещи, например: «Целую неделю в Риме — еще не услышал ни одной умной мысли».

— Да, он был немного высокомерным, но мы любили его и прощали ему это. Тот случай у бедной Лии Вайнштейн... Хотя он был старше меня, в душе он оставался молодым и незрелым. У него не было достаточно опыта, чтобы понимать разницу между Лией Вайнштейн и просто напыщенной светской персоной. Не знаю, научился он этому в России или в Америке, но он очень тонко чувствовал европейские различия и характеры. В общении ему не было равных: он был умен и умел распознать ум в своем собеседнике — и в то же время он сильно отличался, бывал заносчив, грубоват, невежлив с другими, но со мной — никогда.

— Кстати, это очень интересный вопрос: каким вы и другие европейцы видели его? Он не был американцем, но и русским он тоже не был. В Америке многие воспринимали его как европейца, но у американцев есть определенные представления о том, как должен выглядеть настоящий европеец, которые не всегда совпадают с действительностью.

— У Есенина есть известное стихотворение «Исповедь хулигана». «Хулиган» — не совсем точное слово, но это был его идеал. Он притворялся дикарем и в некоторой степени был таковым.

— Как вы считаете, у него действительно был такой характер или же это просто образ, который он хотел поддерживать?

— И то и другое.

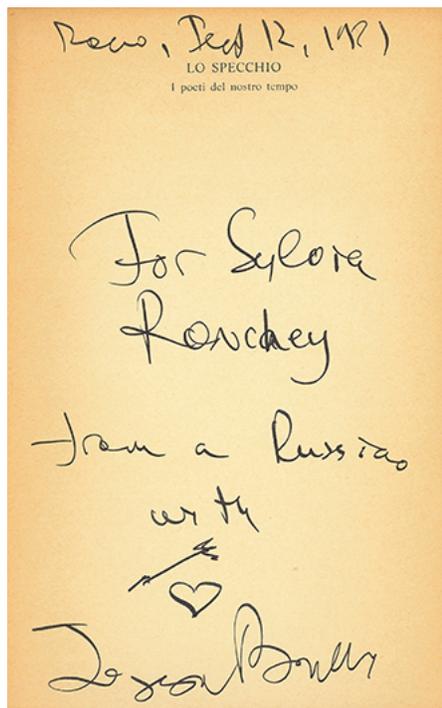
— То есть он сознательно выбрал такую модель поведения?

— Да. Я была молода и неопытна и представляла его совершенно иначе. Я знала и любила русскую литературу, поэзию, общалась с русскими: например, с Лией Вайнштейн или знакомыми моих родителей, а он оказался очень непохожим на них. К тому же он мне представлялся более утонченным, воспитанным, но он был совсем другим. Он многому научился в Риме, был способным учеником. Может показаться странным, он многому меня научил, я же научила его базовым вещам, равно как Майкл Маас и другие. Ему пришлось учиться, как школьнику. Конечно, он был начитан, но не так, как я думала после прочтения его стихов. Он писал скорее интуитивно... У меня сложилось впечатление, что, когда он приехал в Рим, у него были комплексы по этому поводу. Отсюда, возможно, и появился этот показной образ. Затем

он сменил маску, став утонченным европейцем. Он таковым и был, больше, чем признавал, поэтому не могу сказать, что эта перемена была внезапной. Возможно, перемена произошла как раз перед вручением Нобелевской премии. Кстати, это забавная история: он часто приходил ко мне, когда я жила у фонтана Треви, в очень хорошем квартале. Каждый раз, когда он приезжал хотя бы на несколько дней в Рим, он появлялся без предупреждения и с порога просил разрешения позвонить: ведь у меня был телефон, хоть я и не была богата. Наверное, ему было комфортнее звонить от меня. Звонки в Стокгольм начались задолго до Нобелевской премии, в 1980-х. Он всегда повторял: «Да, у меня очень хорошие друзья в Стокгольме...» Я думаю, он хотел получить эту премию, для него это не было неожиданностью: вы знаете, что требуется для победы. Я не утверждаю, что это было причиной дружбы Иосифа со шведами, но от меня он регулярно звонил только в Стокгольм. Иногда после годовой разлуки он меня спрашивал: «Можно я зайду к тебе?» И я сразу думала: «Наверняка снова будет звонить шведам...» — так и оказывалось.

— Он говорил с ними по-английски?

— Да. Хотя нет, по-русски. Я не могу сказать точно, потому что никогда не подслушивала, но у меня не осталось никаких воспоминаний о темах разговоров, так как язык был мне незнаком. Шведского он не знал, так что, скорее всего, это был русский.

«Сильвии Ронкей от русского с <любовью>. 12 фев[раля] 1981 г. Рим». На сборнике «A Part of Speech» для Сильвии Ронкей © Из частного собрания

— Расскажите о своей квартире. Вы там больше не живете?

— Нет.

— **Не могли бы вы тогда назвать адрес? Я бы хотел сфотографировать это здание, в котором Иосиф проводил время в Риме.**

— Виа ин Арчоне, 98, очень уютное место. Раньше там был маронитский монастырь, но потом его превратили в жилой дом с садом. Я жила в маленькой квартире-студии.

— **Вы снимали ее?**

— Нет. В Италии другое отношение к недвижимости. Здесь легче купить жилье; даже молодежь может позволить себе небольшую квартиру.

Возвращаясь к разговору об общении: мы часто ужинали с разными людьми. Почему-то я никогда не хотела ходить с ним на ужины Американской академии, хотя он посещал их, по его словам, с другими знакомыми. Может быть, я ревновала и, кажется, все-таки присоединялась к нему пару раз. Исключением был Майкл Маас — с ним мы ужинали несколько раз, но он был коллегой и очень интересным собеседником. Однажды, по-моему, во время его третьего или четвертого визита в Рим, случилась забавная история. Мне кажется, она отлично отражает его поведение. Я знала, что он в Риме, мы виделись, хотя отношений у нас не было. Внезапно он начал звонить мне и уговаривать встретиться, что очень меня удивило. Он с восторгом отзывался о Гертруде Шнакенберг, очень хорошей поэтессе. У меня было много друзей в Американской академии, один из них — мой сокурсник из Университета Пизы, который получил стипендию в Академии и жил там. Однажды за ужином я спросила его о Гертруде, на что он ответил: «Она одиночка, не любит общаться с людьми, зачем тебе с ней встречаться?» Но я все-таки разыскала ее и пришла к ней в гости, потому что она повредила ногу и не выходила из дома. Она рассказала мне: «Со мной случилось несчастье. Я не могу видеться со своим любовником, потому что не могу никуда пойти, а он не хочет меня навещать». — «Кто он?» — «Один русский поэт». — «Иосиф?» — «Да». И тут мы поняли, что он сменил девушку, как меняют лошадей. Нам было смешно, но потом мы решили проучить его — все-таки он поступил очень грубо. Можно подумать, что из-за сломанной ноги нельзя встречаться с девушкой. Через два дня бедный Иосиф уехал из Рима. Это был единственный раз, когда я отчитывала его за его поведение. Но Гертруда была очень интересной девушкой, очень красивой, просто чудо: голубые глаза, светлые волосы и бледная кожа. Хотя ей было чуть больше двадцати, она писала потрясающие стихи. Мы подружились. Иосиф уехал, а мы продолжили общаться, и она объяснила мне то, чего я не видела. В отличие от многих подруг Иосифа, считавших, что каждая из них — единственная для него, мы знали, что он полигамен. Мы разговаривали откровенно, помогли друг другу многое понять. Конечно, он коллекционировал не просто женщин, но женщин талантливых и очень умных.

Гертруда Шнакенберг
© Stanford University

— Для него это был еще один способ познания мира?

— Да. Я подразумевала именно это, когда говорила, что он приехал сюда дикарем, но жаждал учиться. Несмотря на свой возраст, в Риме он все равно был учеником. Он поглощал историю, европейскую культуру. Я не знаю почему: из-за русской или еврейской крови или потому, что он был диссидентом, которому единственным оружием служило творчество. Возможно, у него отсутствовала возможность получить эти знания в России.

— **Говоря об открытиях: расскажите, как вы вместе исследовали Рим. Что вы ему показывали?**

— Все.

— **Тогда, наверное, вы можете назвать его любимые места? Вы упоминали, что водили его в церкви и музеи, поэтому у меня к вам два вопроса: почему он не хотел ходить в церкви, что привлекало его внимание? И как он вел себя в музеях?**

— Больше всего ему нравились картины, и в каждом портрете он искал лицо своей жены. Еще в самом начале он сказал мне, что она похожа на Мадонну Перуджино. Увидев оригинал, он был несколько разочарован. Кроме того, ему нравились картины Боттичелли. Но он, скорее, искал женский образ, его идеал, а не свою жену. Я видела ее фотографию: она красива, но совсем не похожа на девушек с картин Перуджино. Он подпитывал себя картинами, ему всегда было мало. Мы трижды ходили в Галерею Боргезе — маленький музей, но в нем представлено много шедевров. Он просил: «Ты не могла бы снова отвести меня в Галерею Боргезе?» Она окружена парком Боргезе, где мы подолгу гуляли. Иногда, когда мы отдалялись от самого музея, он спрашивал: «Мы можем снова вернуться в галерею?» — к той самой картине Перуджино.

Как я уже говорила, ему очень нравилось барокко. Он не любил барочные картины — в Риме они преимущественно на религиозную тематику, — но он был восхищен барочной скульптурой и архитектурой, особенно церквями работы Борромини. Он был впечатлен Римским колледжем. Я училась там после того, как его превратили в школу. Он интересовался притчами об иезуитах, святом Игнатии и его последователях, поэтому ему и нравилось это здание. Его интересовало и классическое искусство, поэтому мы обошли все достопримечательности: Музеи Ватикана, археологические выставки, Капитолийские музеи, термы Каракаллы, термы Дионисия. Хотя ничто так не привлекало его, как итальянская портретная живопись.

— Он обычно сосредотачивался на одной картине или быстро проходил по залам?

— Он концентрировался у одной работы. Но ему больше нравились картины, чем археология.

— Вы помните что-нибудь из того, что он говорил о картинах?

— Он был очень саркастичен. Картины Леонардо или Рафаэля с изображениями животных он высмеивал за то, что девушки на них были в кольцах или ожерельях, которые казались ему слишком броскими и мешающими. Только работы итальянских художников трогали его до глубины души. Он считал нелепым, что женщины как на картинах, так и в жизни носят украшения. У меня не было драгоценностей, но я носила кольца, и он всегда смеялся надо мной. Возможно, сказывалось советское воспитание.

Не знаю почему, но он считал, что я похожа на русскую. Может быть, из-за моих длинных волос, которые я собирала назад. Ему очень нравились работы Климта, и я напоминала ему его модель.

— У вас были рыжие волосы?

— Рыжеватые, длинные и кудрявые. Я была очень худой, носила длинные платья. Может быть, поэтому я ему напоминала одновременно и австрийку, и русскую.

Позже, приехав к нему в Саут-Хэдли, я была поражена: он сам застелил нам с мужем кровать, отгладил простыни, приготовил ужин, завтрак. Мне кажется, это еще раз доказывает, что его неряшливость была одной из масок: он мог быть аккуратен, вежлив и гостеприимен.

Книги Сильвии Ронкей

— Вы ходили вместе в кино? Хотелось бы поговорить о его отношении к Тарковскому, которого вы, как я понимаю, также знали.

— Однажды мы ходили в кинотеатр «Паскуино» в районе Трастевере, где всегда показывали фильмы на языке оригинала. Фильм был скучный и совсем мне не запомнился. Мы много говорили о кино: тогда был расцвет кинематографа. В отличие от него, мне нравились советские фильмы, поэтому мы спорили о них, в том числе и о картинах Тарковского. Он не считал себя диссидентом и обиделся, когда я сравнила его с кем-то из эмигрировавших на Запад соотечественников. Думаю, одной из причин его нелюбви к Тарковскому было его диссидентство или клише романтического изгнанника (сам Бродский применительно к себе эти нотки приглушал самоиронией). Он также говорил что-то про отца Тарковского...

— Арсения Тарковского, поэта.

— Да, он очень любил стихи Тарковского-старшего. Он говорил, что отец был талантлив, а сын — всего лишь его бледное претенциозное отражение, то есть именно так он, возможно, и не выражался, но таким образом я воспринимала его позицию, будучи страстной поклонницей фильмов Андрея... С другой стороны, зная Иосифа, сейчас я подозреваю, что он говорил о режиссере немного жестче, чем думал на самом деле, просто из духа противоречия (столь для него типичного!).

Он много рассказал мне о поэзии, особенно британской, которую хорошо знал и любил. Я почти не знала Одена — тогда в Италии до сих пор читали Элиота и Йетса, — поэтому он заставил меня прочесть его, а также Филипа Ларкина. Он не любил Джона Донна, говорил, чтобы я выкинула его книги и учила наизусть Марвэла. Они были близкими друзьями с Дерекоттом Уолкоттом, и, конечно же, он познакомил меня с его творчеством. В прозе он очень любил Ивлину Во — по его словам, лучшего романиста [6]. Мне нравился Хаксли, он возражал: «Не Хаксли — Во». Потом я поняла, насколько ценны были его советы, хотя сначала считала их снобистскими. Благодаря его идеальному вкусу я прочитала Лакло, Во, Ларкина, Одена. Когда он увлекся стихами Кавафиса, я советовала ему подробно изучить его творчество. Не знаю,

прислушался ли он.

Перевод с английского Александры Смирновой

[1] Франко Корделли (р. 1943) — итальянский писатель, эссеист и театральный критик. С середины 1970-х годов курировал поэтические фестивали и редактировал сборники на литературные темы с социально-политическим уклоном.

[2] М.С. Сернас (*Maria Stella Sernas*) — журналист, переводчик на итальянский язык романа М. Твена «Приключения Гекльберри Финна» (Милан, 1978 год), автор книг для широкого читателя по истории гастрономии (например, о происхождении пасты). То, что русского поэта Бродского пригласили на вечеринку именно к Сернас, супруге киноактера Жака Сернаса, похоже, не случайно: незадолго до этого она приняла участие в работе над сценарием для телефильма «*Che fare?*» (1979–1980) по роману Н. Чернышевского «Что делать?».

[3] Альберто Ронкей (1926–2010) — подробнее о нем см. в комментариях к публикации римского календаря Бродского в книге Ю. Левинга «Иосиф Бродский в Риме» (т. 3, с. 60–61).

[4] Джамбаттиста Марино (1569–1625) — представитель поэзии барокко, чьи мадригалы и канцоны отличаются витиеватым стилем с неожиданными метафорами, а также сочетанием метрических и ритмических экспериментов.

[5] Лия Вайнштейн (1919–2001) — подробнее о ней см. в комментариях к публикации римской записной книжки Бродского в т. 3 (с. 89–90).

[6] Незадолго до этого, говоря о «Мексиканском дивертисменте», Бродский признавался: «Боюсь, некоторые люди в Мексике рассердились, потому что стихи немножко в духе Йвлины Во» (*Eva Burch and David Chin. Interview with Joseph Brodsky (1979) // Columbia. A Magazine of Poetry and Prose. Spring — Summer. 1980*).

Понравился материал? Помогите сайту!

Подписывайтесь на наши обновления

Еженедельная рассылка COLTA.RU о самом интересном за 7 дней

Лента наших текущих обновлений в Яндекс.Дзен

RSS-поток новостей COLTA.RU

ПОДЕЛИТЬСЯ ССЫЛКОЙ / SHARE

